

Парадоксы информационного общества

Статья рекомендована И. Ю. Алексеевой 10.11.2015 г.

**ТУЗОВСКИЙ Иван
Дмитриевич**
*Кандидат культурологии,
научный сотрудник
Челябинской
государственной академии
культуры и искусств*

Аннотация

Статья посвящена выявлению социальных противоречий, вызванных процессами информатизации, которые обычно связывают со становлением информационного общества. Утверждается, что возникновение положительных обратных связей между процессами информатизации и дегуманизации современного общества служит причиной деформации первоначального проекта гуманистического информационного общества и формирования особого типа социальной структуры, который можно охарактеризовать как сакрально-информационное или квази-информационное общество.

Ключевые слова:

социальное противоречие, дезинформационное общество, квази-«информационное общество», информационная перегрузка, информационная зашумленность.

«Пророчество» об информационном обществе относится к рубежу 1960—1970-х годов. Холодная война и идеологическая конкуренция между советским и капиталистическим проектами потребовали от западных обществ выработки социальной концепции, которая могла бы стать адекватным ответом марксизму во всей полноте ее содержания — от историософии до конкретных социально-проектных идей. В условиях политического и идеологического плюрализма выработка такой концепции шла путем одновременно конкурентным и конвенциональным. В результате к концу 1980-х годов комплементарные идеи постиндустриализма и информационного общества становятся доминирующими в социальной науке, приобретают огромное количество сторонников и, пройдя определенного рода экономическое закрепление в 1990-х годах, утверждаются на международном уровне в виде сперва Окинавской хартии глобального информационного общества (2000 г.), а затем программных документов двух этапов Всемирного саммита по информационному обществу — в Женеве (2003 г.) и Тунисе (2005 г.).

Альтернатив глобальному проекту «информационное общество» сегодня практически нет, а существующие носят либо маргинальный, либо утопический характер и вытеснены на периферию социального знания и политического действия. Вместе с тем следует признать, что в развитии современного общества наметился целый ряд противоречий, или *антиномий*, которые вызваны к жизни именно процессами тотальной информатизации. На ряд этих антиномий уже указывали российские и зарубежные авторы, причем взгляды некоторых из них (например, конструкт общество риска) стали солидными социологическими концепциями. Однако до сих пор не предпринимались попытки дать систематический обзор уже проявившихся в полной мере противоречий концепции информационного

общества. Между тем интегральная картина заставляет сомневаться в том, что современное общество можно признать информационным.

Парадокс дезинформационного общества. Развитие информационных технологий уже сегодня привело к тому, что манипулятивные практики использования социальной информации развиваются опережающими темпами по отношению к практикам добросовестного ее использования.

Россия находится не в первых рядах формирования того социального феномена, который именуется информационным обществом, однако далеко и не в последних, поэтому мы тоже испытываем повсеместное влияние практик социальной манипуляции — от рекламы и маркетинга до «большой политики». Достаточно открыть любое из современных российских СМИ, чтобы тут же столкнуться с такими словосочетаниями, как «информационная война», «проводники чьих-то интересов», «манипуляции сознанием» и прочая, прочая... Очевидно, что пропагандистские машины и России, и западного мира включены на полную мощность, информационная война — не социальный миф, а вполне реальный процесс. Однако мы вправе задать вопрос: способно ли долго существовать и нормально развиваться общество, в котором место коммуникации систематически занимает манипуляция?

В начале XXI столетия коммуниктивисты и медиологи радостно приветствовали возникновение технологий Web 2.0. Пользователи получили возможность самостоятельно создавать контент интернет-страниц, без приобретения специальных технических знаний или найма соответствующих специалистов. В социальных медиа и гражданской журналистике, основанных на технологиях Web 2.0, апологеты информационного проекта увидели спасение от повторения ситуации превращения СМИ первой трети XX в. в инструмент пропаганды и поддерживающий фактор тоталитарных режимов. Сегодня приходится признать, что проект гуманизации СМИ путем предоставления новостных полномочий дилетантам не удался. С одной стороны, размывание авторства сообщения упрощает манипуляции им; с другой стороны, финансовые ресурсы государств и медийных корпораций по-прежнему позволяют не только успешно имитировать «гражданскую журналистику», но и прямо вмешиваться в как будто бы нормальное функционирование сетевой коммуникации. Временной лаг между возникновением «гражданской журналистики» и ее «утилизацией» традиционными СМИ и государственными органами пропаганды составил всего-то около десяти лет. Нельзя не выразить опасение, что в дальнейшем временной разрыв, во-первых, между очередной ИКТ-микрореволюцией (каковой был Web 2.0) и ее утилизацией государством и крупным бизнесом и, во-вторых, между созданием новых социальных технологий распространения объективных данных и разработкой инструментов конвертации этих данных в субъективные оценки (что, собственно, и составляет суть информационной манипуляции) будет только сокращаться.

Очевидная проблема заключается в том, что ни один из уровней системы образования не предполагает развития навыков критического анализа социальной информации, самостоятельного поиска и перекрестного анализа источников, их верификации и т. д. Кроме того, *информационная перегрузка*, рост информационной зашумленности современной цивилизации, о которых

пойдет речь ниже, формируют модель добровольного ограничения источников, которые реципиент информационных потоков считает референтными и которые вызывают доверие. В совокупности с развитыми демагогическими приемами, технологиями манипулирования сознанием и дезинформацией это превращает современное глобальное информационное пространство в глобальное пространство дезинформации.

Парадокс информационной перегрузки. Для процесса коммуникации ширина проводящего канала имеет значение только до того момента, пока не будет превышена реципиентная способность индивида. Современный человек оказался в ситуации, когда объемы поступающей информации превышают его сенсорные и когнитивные возможности. «Сетевые аборигены» выработали достаточно примитивную и ограниченно эффективную стратегию борьбы с информационной перегрузкой: в ситуации столкновения с избытком противоречивой информации люди выбирают группу источников, которые приобретают в их представлении сакральный статус и полное доверие. Одновременно с этим формируется тотальное недоверие к любому источнику, сообщаемую информацию, которая не согласуется с этой позицией.

Примет вполне реальной, а не придуманной У. Гибсоном в качестве киберпанковской «страшилки» информационной перегрузки множество:

- 1) рост популярности экстремистских и тоталитарных сект;
- 2) интернет-«дискуссии» относительно природы полезности строго вегетарианской диеты, патриотизма, предательства либералов, фальсификаций древней и новой истории и пр.;
- 3) распространение теорий заговоров о тайном мировом правительстве от древнеегипетских жреческих кланов, установивших власть при помощи библейского проекта (!) до соперничества кланов Ротшильдов и Рокфеллеров.

Повсюду человек стремится выбрать «точку опоры» и закрыть свое сознание для аргументов противной стороны, сузить круг интересов, отказаться от критического рассмотрения многоаспектности интересующих его проблем, от проверки сведений, изложенных в референтном информационном сообщении. Это свидетельство информационной перегрузки: в ситуации чрезмерного избытка внешних сигналов мы вынуждены настраивать собственный фильтр, отсекающий то, что мы определили как информационный «мусор». Но это делает нас еще более уязвимыми к технологиям социальных манипуляций. Проблема *любой* по характеру пропаганды заключается в том, что объект ее приложения теряет адекватный образ реальности и способности ее оценки.

Парадокс роста информационной зашумленности тесно связан с информационной перегрузкой. В условиях технологий Web 2.0 практически каждый обитатель глобального информационного пространства становится производителем контента различного качественного уровня. К сожалению, мы можем констатировать, что *массово* производится контент, который обладает сиюминутной и достаточно низкой полезностью, а участие пользователей в ретрансляции недостоверной информации позволяет говорить

о том, что значительный объем информационного пространства занят данными, обладающими отрицательной полезностью. Кроме того, в силу снижения информационной грамотности (о чем мы будем говорить далее) значительная часть пользователей не владеет навыками информационного поиска с использованием специального синтаксиса поисковых систем. Большинство пользователей не применяют операторы синтаксиса, и результаты поисковой выдачи, к которой они многократно обращаются в течение дня, *релевантны*, но *неpertинентны* для них. Массовое производство низкокачественного контента и ретрансляция контента, обладающего подчас отрицательной полезностью, отсутствие навыков сложного информационного поиска превращает информационное пространство в глобальную свалку. Наконец, само количество информации предполагает, что даже для высококвалифицированного специалиста, проводящего направленный поиск данных, предметно ограниченных его узкими интересами, значительный объем производимого коллегами высококачественного контента также становится информационным шумом.

Парадокс падения информационной грамотности. Развитие информационных технологий идет по линии увеличения комфортности информационной среды. Это делает ИКТ более доступными, снижает когнитивную высоту *информационного барьера*. Однако у медали есть и обратная сторона: в настоящее время уже сформировался социальный феномен, который можно обозначить как «фиктивная информационная грамотность». Пользователь уверенно использует некоторые программные продукты, однако его знания не были получены творческим путем «проб и ошибок», а «зазубрены», он не понимает общих принципов работы в информационной среде, его опыт работы с информационными технологиями носит частный и фрагментарный характер. В результате он не может экстраполировать свой опыт на иную программную среду, нетипичные ситуации вводят его в состояние фрустрации, он не способен справиться с нестандартными задачами.

Таким образом, развитие ИКТ приводит к снижению реальной информационной грамотности. Цифровой разрыв приобретает не географически-экономическую, а когнитивную природу.

Мне могут возразить: в начале информационного века информационная малограмотность все же лучше отсутствия навыков пользования ИКТ. Это возражение справедливо лишь отчасти.

Во-первых, информационная малограмотность делает пользователя уязвимым для разного рода манипулятивных технологий. Без понимания принципов работы глобальной сети, принципов ее социального устройства — а таковое есть! — он не может стать равноправным участником коммуникации, но лишь добровольным ретранслятором. В обществе информационно малограмотных людей так называемая сетевая коммуникация не имеет смысла, поскольку вместо прохождения сообщения по сети ответственных участников коммуникации имеет место распространение сигнала через сеть живых, но практически автоматических ретрансляторов, где центры сформировавшейся в виртуальном пространстве, но вполне реальной социальной сети имеют фактическое значение вершины иерархии, а периферия и многочисленные «тупики» — значение нижних этажей социально-коммуникативной иерархии.

Во-вторых, низкий уровень технической и программной грамотности пользователей при стремительном увеличении их количества приводит в том числе и к росту правонарушений — преступному доступу к информации, массовым мошенничествам и пр. Оценка уровня информационной грамотности студентов, обучающихся по специальностям социология, сервис и связи с общественностью позволяет констатировать, что по незнанию или пренебрежению многие правила информационной безопасности игнорируются более чем 50% челябинских студентов. На протяжении периода 2009—2015 гг. наметилась тенденция к ухудшению этой ситуации в связи с тотальным распространением мобильных компьютеров в формате планшетов и смартфонов (КПК и коммуникаторы предыдущих поколений не получили столь широкого распространения), обеспечению вирусной безопасности которых придается меньшее значение.

Нельзя согласиться с принципом «лучше информационная малограмотность, чем безграмотность» по одной простой причине. Границы информационной малограмотности начинаются там, где человек способен самостоятельно запустить компьютер и стать участником технически-опосредованной коммуникации. Полностью информационно безграмотный человек не является пользователем, а значит, он безвреден с точки зрения проекта информационного общества. Малограмотный пользователь несет потенциальную угрозу всем участникам сетевой коммуникации, просто потому, что он не заботится о собственной безопасности.

Малограмотность несет в себе как технические, так и гуманитарные угрозы (а не риски!), но совершенствование того, что именуется на компьютерном сленге *юзабилити*, приводит к снижению информационной грамотности. До сих пор мы уделяем в образовательных программах гораздо большее внимание технической, а не гуманитарной стороне информационной грамотности, связанной с отмеченным ранее парадоксом дезинформации. Какие школьные и вузовские дисциплины учат методам оценки достоверности источников информации? Какие курсы прививают навыки содержательной критики информационных сообщений? Парадоксально, но раньше эти обязанности выполняли дисциплины исторического и литературного цикла, где оценка обстоятельств возникновения источника, анализ и критика его содержания являются основой основ. Но в современном мире классические история и филология подвергнуты социальному ostracismu как непрактичные. Достижения этих наук профанируются как многочисленными псевдоучеными, так и вследствие низкого уровня подготовки специалистов — преподавателей и популяризаторов.

Парадокс информационных продуктов как предмета роскоши. Считается, что в современном обществе информация создает стоимость, однако на практике она создает лишь коридор для ценовых спекуляций. Невозможно адекватно оценить экономическую стоимость труда программиста или веб-дизайнера (современное общество лишь унаследовало общую проблему стоимости творческого труда — будь то труд ученого, скульптора или шамана).

Пусть невозможно адекватно оценить стоимость труда программиста, однако можно ввести в цену товара в рамках социальной конвенции графу

«информационный продукт» в качестве значительного положительного коэффициента. Информационный продукт всегда дорого стоит не потому, что требует больших реальных затрат на его разработку, а потому что он должен стоить дорого: ведь ученые, идеологи и практики социального строительства «информационного общества» уверяют нас в том, что «информация является главным ресурсом» информационного века.

Будем честны — такое свойство, скорее, характерно для предметов роскоши, нежели для ресурса, который обеспечивает функционирование всех социальных институтов и общества в целом, как о том заявляет позитивная теория постиндустриального/информационного общества. В конечном счете это противоречие приобретает фундаментальную природу антиномии рациональности общего, равного и бесплатного доступа и иррациональности «приватизации» наиболее значимой практической и теоретической информации. Информационный продукт, получающий статус предмета роскоши, становится источником формирования уже не цифрового, а вполне обычного экономического барьера для включения человека в глобальное информационное пространство.

Парадокс недооценки рисков: чем выше деструктивный потенциал человечества в аспекте технического и социального новаторства, тем менее эффективна упреждающая оценка соответствующих рисков. Мы не можем адекватно оценить даже эффективность системы экспертизы технической безопасности, поскольку в дело замешаны интересы крупнейших ТНК в IT-сфере. Налицо непрекращающаяся война исследований, доказывающих физиологическую и психологическую безвредность и, наоборот, вредность мобильной связи, активного и чрезмерного пользования компьютерными устройствами и т.д. Однако в сфере техники институты экспертизы и упреждающей оценки рисков существуют хоть в каком-то виде. Большинство же тревожных исследований социальных последствий информатизации носят диагностирующий и чрезвычайно запаздывающий характер. В редких случаях, когда превентивно-прогностическая социальная и культурная экспертиза инноваций, связанных с информационными технологиями, все же проводится, на исследования подобного рода навешиваются ярлыки деклинизма, антиутопических или эсхатологических ожиданий. Стандартным аргументом является приведение цитат из исторических источников, в которых содержатся рассуждения относительно падения нравственности, разрушения традиционных основ жизни социума, в связи с чем высказываются сомнения относительно существования реальной угрозы от сдвига системы ценностей в современном обществе. Однако такая аргументация является логически ошибочной, поскольку примитивная экстраполяция здесь основана на неполной индукции, которая в свою очередь основана на целенаправленной селекции фактов. Из того факта, что человечество неоднократно переживало кризисы, связанные с возникновением новых информационных технологий и справлялось с этими кризисами, никак не следует, что его адаптивный потенциал неисчерпаем.

Парадокс «экспертократии». По мере роста доступности информации, необходимой для участия в принятии решений и расширения возможностей ознакомления с ней любого из нас, все более востребованными

оказываются информационные посредники и все меньшее непосредственным и самостоятельным оказывается участие в решении общих задач отдельного человека, не рекрутированного в круг экспертов. Информационное общество создает возможности всеобщей прямой демократии, однако даже в гипотетическом случае ее реализации мы не уйдем от уже сформировавшейся ситуации, когда эксперты — *лидеры мнений, медийные персоны* — будут влиять на умонастроения подавляющего большинства.

Все это подводит нас к необходимости признать современное информационное (ли?) общество квазигуманистическим. Некоторые из тенденций, такие как парадоксы дезинформации, недооценка рисков и экспертократия, внушают серьезные опасения: очень вероятно, что в будущем нам предстоит столкнуться со все более изощренными и скрытыми вариантами тоталитаризма.

К сожалению, проект информационного общества, глобальная манифестация которого была осуществлена подписанием «Окинавской хартии...» 2000 г. [4], а затем на Всемирном саммите по информационному обществу в Женеве (2003 г.) [2 и 5] и Тунисе (2005 г.) [7 и 8], не предполагает радикального пересмотра политики в области информатизации. (Здесь нет никакой конспирологии, однако сложно было бы предполагать обратное, зная о преимущественно технократическом характере экспертного сообщества.) Однако осознание антиномий информатизации возлагает на научное сообщество ответственность за будущее развитие. Как это видится сегодня, проект информационного общества являлся наивной утопией, предполагавшей примитивные инструменты решения частных проблем (обеспечить всем членам общества большие возможности развития и экономического роста за счет информатизации всего и вся) и спонтанное решение глобальных проблем. Это доведенный до абсурда попперовский антиисторизм. Глобальные проблемы спонтанно разрешаются лишь наихудшим для человечества образом, а примитивные инструменты никогда не бывали эффективны в условиях сложных сообществ.

В поисках квази-«информационного общества». Вследствие обнаруженных теоретических, методологических и фактических противоречий концепции информационного общества и ряда его критериев можно заключить, что современное общество является квази-«информационным».

Сформулируем основные идеи этой гипотезы.

- Планетарное сообщество (человечество) пока что живет в условиях «мультиэры» — сосуществования на планете принципиально разных укладов, форм организации социума. По мере прогресса наиболее разных обществ количество слагаемых мультиэры только увеличивается, хотя, конечно, тенденция к определенной нивелировке различий между ними существует и специально поддерживается. Не стоит путать это с попытками сохранения экономического и политического разрыва между развитыми и развивающимися странами. С одной стороны, глобальная цивилизация пытается перестроить локальные отличающиеся от нее своим жизненным укладом, системой ценностей и мотивировок культуры, с другой — включить их в свою орбиту, но на определенной дистанции, в качестве своеобразных «ведомых».

- С точки зрения технической парадигмы, определяющей нашу повседневную жизнь, научные, образовательные, культурные практики, современность можно охарактеризовать как «цифровой век» (The Digital Ages). Индустриальная технология повлияла на мир, участвуя в формировании разных по экономическим и политическим критериям сообществ (капиталистические и этатистские, демократические и тоталитарные). Цифровые технологии тоже влияют на наш мир, однако, как представляется, экономические и политические критерии не вполне подходят для объяснения этого влияния. Необходим критерий практик создания, распространения и использования социальной информации.
- Наиболее развитые сообщества планеты существуют в условиях квази-«информационного общества» (далее — QIS). Подчеркнем два наиболее важных момента, связанных с этим определением:
  - префикс «квази» относится именно к общему термину «информационное общество». Это не квазиинформационное общество и не информационное квазиобщество. Это — квази-«информационное общество»;
  - «квази» не есть «псевдо»: квази — «нечто вроде»; псевдо — «ложное». QIS — это реально существующий социум, обладающий по своим основным признакам подобием информационному обществу, однако ни в настоящем, ни в будущем не конгруэнтный ему. Псевдоинформационное общество (PsIS) — «ложное информационное общество». О псевдоинформационном обществе можно говорить в случае попыток вписать в эту концепцию те сообщества, которые, обладая системообразующим средством коммуникации информационного общества — интернетом — и виртуальным комьюнити, не отвечают иным сущностно важным критериям.
- Современное общество является историческим наследником капиталистической стадии общественно-экономической формации, и хотя оно явным образом отличается от индустриального капитализма, степень отличий приблизительно соответствует разнице между ранним и развитым капитализмом, а не разнице между неолитом и капитализмом, в чем нас пытался убедить, например, Элвин Тоффлер. Поэтому читатель мог бы оказаться в некотором недоумении: почему социальные черты, присущие индустриальному капитализму, рассматриваются здесь как черты QIS? Да потому, что мировой экономический уклад по-прежнему остается капиталистическим, хотя это уже ни дикий капитализм эпохи возникновения марксизма, ни социально ответственный капитализм крупных корпораций периода борьбы Форда и Рузвельта. Я не одинок в своем мнении. Питер Друкер, определявший современность как посткапиталистическое общество, подчеркивал, что оно не является некапиталистическим. Мануэль Кастельс называл современность информациональным капитализмом. Ж. Аттали предвидит будущее, в котором корпорации

заменяют собой государства. Капитализм жив, это реальность квази-«информационного общества».

- Исторически уже существовали общества, которые могут быть признаны нами квази-«информационными». В частности, в монографии «Светлое завтра? Антиутопии футурологии и футурология антиутопий» [6] автор приводит краткий анализ эллинского социума классического периода, рассматривая его как вариант информационного общества. Сегодня я бы назвал его квази-«информационным обществом». Доктор исторических наук П. Б. Уваров в работе «Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции» замечает, что современная (инновационно-информационная, по его мнению) цивилизация родилась в эпоху Возрождения или, по крайней мере, барокко [9]. Мнение о том, что QIS — не уникальный для позднего модерна феномен, косвенно подтверждается тем, что его темпоральный статус принципиально не определен. Наблюдаются две противоположных тенденции:
  - 1) тенденция постоянного переноса сроков наступления подлинного информационного общества в будущее;
  - 2) тенденция поиска его предтеч (или социальных процессов, инициировавших его формирование) во все более далеком прошлом человечества.

Точки зрения о сверхдолгом модерне и отождествлении модерна с информационным обществом или одной из его стадий придерживается не только историк П. Б. Уваров, но и Э. Гидденс [1] — один из крупнейших социологов современности.

Конечно, можно заявить, что раз подлинного информационного общества никогда не существовало, то префикс «квази» не имеет смысла. Можно принять сложившуюся практику сетевой коммуникации и связанных с ней социальных отношений, институтов и глобальных процессов в качестве единственно верной точки отсчета, т. е. попросту научно «легитимизировать» то, что уже существует. Однако такой подход представляется в корне неверным.

Во-первых, он лишает человечество стимула к проектной деятельности, к попперовскому антиисторицизму и решению тех частных (но имеющих глобальное значение) проблем, которые порождены фактически спонтанно произошедшей информатизацией общества. Во-вторых, из того, что общества, лишённого указанных в статье парадоксов, еще не существовало, никак не следует то, что оно не состоится в дальнейшем. Фактически, это иллюстрация методологической проблемы неполной индукции в приложении к историософии и социологии: то, что все до сих пор встреченные нами лебеди были белыми, не означает, что черных лебедей не существует. А то, что подлинно информационное общество пока не состоялось, не означает, что мы не можем теоретически разработать его идеальный тип (а-ля Вебер) или гипотетическую модель, а затем оценивать многочисленные вариации современных сообществ, исходя из этих критериев. В-третьих, наличие указанных парадоксов не означает того, что высокоинформатизированный социум

дзинтегрирует и прекращает свое существование, но означает, что его развитие представляет собой череду не позитивных, меняющих реальность, а деструктивных кризисов. В ситуации, когда изменения распространяются в обществе едва ли не мгновенно, а значит, и непредвиденные отрицательные последствия приобретают такую же скорость распространения и глобальный масштаб, решение возникающих проблем по принципу стимул–реакция выходом из ситуации быть не может. Это возвращало бы нас к «во-первых» и закольцовывало аргументацию. Необходима модель информационного общества, лишённого парадоксов, которые, с одной стороны, порождены информатизацией, с другой — подвергают ее сомнению, иначе путь, которым мы следуем, может оказаться историческим тупиком.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГИДДЕНС Э. **Последствия современности**. М.: Издательская группа «Праксис», 2011.
2. **Декларация принципов. Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии** (Женева, 2003 г.). URL: http://www.ifapcom.ru/files/3-Deklaratsiya_printsipov_postr-infobschestva-Zheneva.doc. (Дата обращения: 1.09.2014).
3. ИНОЗЕМЦЕВ ВЛ. Л. **Очерки истории экономической общественной формации**. М.: Таурус, Век, 1996.
4. **Окинавская Хартия глобального информационного общества** / Пер. официальный. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/Окинавская_Хартия_глобального_информационного_общества (Дата обращения: 1.09.2014).
5. **План действий** (Женева, 2003 г.). URL: http://www.ifapcom.ru/files/4-Plan_deistvii.doc (Дата обращения: 1.09.2014).
6. ТУЗОВСКИЙ И. Д. **Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий**. Челябинск: ЧГАКИ, 2009.
7. **Тунисская программа для информационного общества** (Тунис, 2005 г.). URL: http://ifapcom.ru/files/1-Tunisskaya_programma_dlya_infobschestva.doc (Дата обращения: 1.09.2014).
8. **Тунисское обязательство** (Тунис, 2005 г.). URL: http://ifapcom.ru/files/2-Tunisskoe_obyazatel_stvo.doc (Дата обращения: 1.09.2014).
9. УВАРОВ П. Б. **Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции**. М.: АИРО-XX, 2005.